

сами, которыя нававшимъ снѣгомъ были столь тѣсно соединены одна съ другою, что пробиться сквозь нихъ не было никакой возможности. Отсюда путешественники возвратились въ Фанъ-Дименову Землю.

Большой южный материкъ, который открыли неустрашимые мореплаватели и слѣдили на протяженіи девяти градусовъ, отъ 70° до 79° южной широты, капитанъ Россъ назвалъ, по имени своей королевы, Землю Викторіи.

ХИВА

ЗА СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

—

Сто лѣтъ тому, Россія, хотя короткое время, находилась съ Хивою въ самыхъ благопріятныхъ отношеніяхъ, какія съ тѣхъ поръ не возобновлялись. Владѣтелемъ Хивы былъ русскій подданный. Русскіе не только пользовались тамъ безопасностію и покровительствомъ хана; но еще его самого защитили на-время отъ мести страшнаго сосѣда.

Это было въ концѣ тысяча семьсотъ сороковаго года. Воинственный Надиръ-Шахъ, владѣтель Персіи, возвратился изъ своего похода въ Индію, захвативъ сокровища великаго могола и *буквально* лишивъ его престола, потому-что драгоценный тронъ изъ рѣдкихъ каменьевъ въ самомъ дѣлѣ находился въ числѣ его побѣдныхъ трофеевъ. Впрочемъ шахъ персидскій не намѣренъ былъ отдыхать на лаврахъ и грозилъ вторженіемъ во владѣнія хановъ Бухары и Хивы, которые въ его отсутствіе сдѣлали нѣсколько набѣговъ на пограничныя области Персіи. Дѣйствительно, послѣ кратковременнаго отдыха въ Гератѣ, онъ направилъ свои полчища на Балхъ, перешелъ при Чарджу черезъ рѣку Аму, и продолжалъ путь къ Бухарѣ. Страхъ овладѣть Узбеками. Слухи о вторженіи огромной арміи въ Мавераннегръ проникли даже въ Россію и побудили правительство къ укрѣпленію границъ по Уралу и только-что

образовавшейся тогда оренбургской лини: «всякія острожности были учреждены», говорит Оренбургская Исторія Рычкова, «дабы отъ Персіянъ никакого наглаго и печальнаго нападенія не было.»

Абуль-Файзъ, ханъ бухарскій, не дожидаясь прибытія Персіянъ къ своей столицѣ, лично явился въ неприятельскій лагерь (въ послѣднихъ числахъ Августа 1740 года), отказываясь отъ власти и предавалъ себя въ руки шаха. Такое смиреніе подѣйствовало. Надиръ оказалъ ему милость: оставилъ его на ханствѣ, съ условіемъ, чтобы Аму-Дарья сдѣлалась впредь границею персидскихъ и бухарскихъ владѣній; пощадилъ его столицу, съ тѣмъ, чтобъ онъ выставилъ вспомогательное войско; и въ заключеніе, политическій союзъ скрѣпилъ двойнымъ союзомъ брачнымъ: женилъ племянника своего на дочери бухарскаго хана, а самъ женился на сестрѣ его. Знаменитый шахъ Персіи вообще любилъ, кажется, заключать или предупреждать ужасы войны свадебными пирами: въ предшествовавшей походѣ, послѣ взятія Дегли, столицы великаго могола, онъ женилъ сына своего на дочери побѣжденнаго Бабериды, а спустя менѣе года послѣ своей женитьбы въ Бухарѣ, прислалъ пословъ въ Петербургъ просить для себя руки принцессы Елисаветы Петровны (въ Юлѣ 1741 года).

Ханъ хивинскій Юлбарсъ или Ильбарсъ рѣшился также предупредить грозу, но инымъ образомъ. Пока Надиръ-Шахъ праздновалъ свою свадьбу въ Бухарѣ, Юлбарсъ-Ханъ съ многочисленнымъ отрядомъ подкрался къ персидскому лагерю на Аму-Дарѣ, въ намѣреніи разбить мостъ и овладѣть лодками со съѣстными и военными припасами. Персіяне, смятые въ началѣ неожиданнымъ натискомъ, подъ-конецъ оправились. Хивинцы были въ свою очередь разбиты и прогнаны; ханъ ихъ попался въ плѣнъ съ множествомъ своихъ приближенныхъ, и вмѣстѣ съ ними былъ зарытъ въ землю живою.

Хива осталась безъ владѣтеля. Надиръ-Шахъ назна-

чилъ Тагиръ-Хана, родственника своего новаго тестя; но Абуль-Хайръ, ханъ Меньшой Киргизъ-кайсацкой Орды, честолюбивый и хитрый интригантъ, воспользовался смутнымъ временемъ, и умѣлъ привлечь на свою сторону Хивинцевъ: его пригласили въ Хиву и провозгласили ханомъ хивинскимъ *.

Абуль-Хайръ, еще въ 1731 году присягнувшій на подданство Россіи, въ то время находился на Сыръ-Дарѣ съ русскими инженерами, которыхъ онъ испросилъ для построенія укрѣпленнаго городка на этой рѣкѣ. Онъ не заставилъ ждать себя въ Хивѣ, и прибылъ туда съ своими Киргизъ-Казаками, поручикомъ Гладышевымъ, инженеромъ Назимовымъ, геодезистомъ Муравинимъ и конвоемъ уральскихъ казаковъ. Между тѣмъ Надиръ-Шахъ подступилъ къ предѣламъ Хивы и началъ военныя дѣйствія. Бетнакъ или Питнакъ, первый городъ хивинскаго оазиса на пути отъ Бухары, — название котораго Персіяне измѣнили, для остроты, въ *Фит-*

* Объ ужасной смерти Юлбарсъ-Хана свидѣтельствуютъ мнраза Мегли, секретарь и историкъ шаха Надира (см. William Jones's Works, vol. V, p. 335) и Г. Фрезеръ въ своемъ Narrative of a journey into Khorasan, Appendix B, part II; но Абдуль-Керимъ, находившійся при войскѣ Надира въ продолженіе всего похода, увѣряетъ, что этотъ ханъ былъ еще живъ во время осады Хивы и задуманъ уже послѣ взятія этого города (см. Memoirs etc. edited by Gladwin, и Voyage etc. publié par Langlès). Странно, что во всемъ этомъ пѣть и рѣчи объ Абдуль-Хайрѣ. Но какъ его минутное царствованіе въ Хивѣ подтверждается русскими официальными актами (см. Рычкова *Исторія Оренбургская* и Левшина *Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ степей*, часть II), и какъ притомъ онъ находился въ Хивѣ, когда она еще не была разорена, — чему служить доказательствомъ планъ этого города, снятый русскимъ инженеромъ, и отправленіе Муравина къ шаху съ просьбою о помилованіи города, — то я съ достаточною вѣроятностію предполагаю время ханствованія Абуль-Хайра между эпохой умерщвленія Юлбарсъ-Хана и взятіемъ Хивы Надиромъ.

не, что по-персидски значить «раздоръ» и «измѣна» — былъ взятъ и разоренъ. Укрѣпленный городъ *Гезарт-Депъ* (Сто Лошадей) также былъ обложенъ непріятельскимъ войскомъ. Персіане подступали къ Хивѣ.

Въ этихъ обстоятельствахъ, Абуль-Хайръ-ханъ, опасаясь вѣроятно страшной участи своего предмѣстника, упросилъ русскаго геодезиста Муравина принять на себя посредничество между нимъ и шахомъ, и отправилъ его въ персидскій лагерь. Надиръ-Шахъ привѣтливо принялъ русскихъ, общался оставивъ Абуль-Хайра на ханствѣ, и приглашалъ его въ свой лагерь, съ увѣреніемъ, что онъ принять будетъ какъ подданный Россіи, съ которою шахъ желаетъ всегда жить въ мирѣ и согласіи. Посоль одаренъ былъ деньгами и подарками, и отпущенъ въ Хиву. Большія выгоды для Россіи и для самой Хивы могли произойти отъ утверженія Абуль-Хайра на ханствѣ: онъ зналъ Русскихъ по частымъ сношеніямъ съ ними какъ ханъ Меньшой Киргизъ-кайсацкой Орды, питалъ къ нимъ довѣріе, и для собственной выгоды поддерживалъ бы торговлю двухъ народовъ. Но это не сбылось. Не смотря на почетный приѣздъ Муравина въ станъ надировомъ, Абуль-Хайръ, по недовѣрчивости или боязни, не рѣшился на посѣщеніе шаха. Онъ поспѣшно оставилъ Хиву, и убѣжалъ въ свою орду. Черезъ нѣсколько недѣль этотъ городъ былъ взятъ Персіянами и разоренъ въ конецъ. Жители были перерѣзаны; семь тысячъ плѣнныхъ отведены въ Персію, и поселены въ Хорасанѣ, гдѣ образовали цѣлый городъ, названный въ память взятія Хивы Хивакъ-Абадомъ или Хива-Абадомъ**. Только русскіе плѣнные,

* См. Записки Абдуль-Керима.

** Въ обоихъ изданіяхъ Абдуль-Керима ошибочно написано *Дживакъ* и *Дживакъ-Абадъ*, вмѣсто *Хивакъ* и *Хивакъ-Абадъ*: это явная ошибка переписчика, происшедшая отъ одной лишней точки подъ первую буквою этихъ словъ.

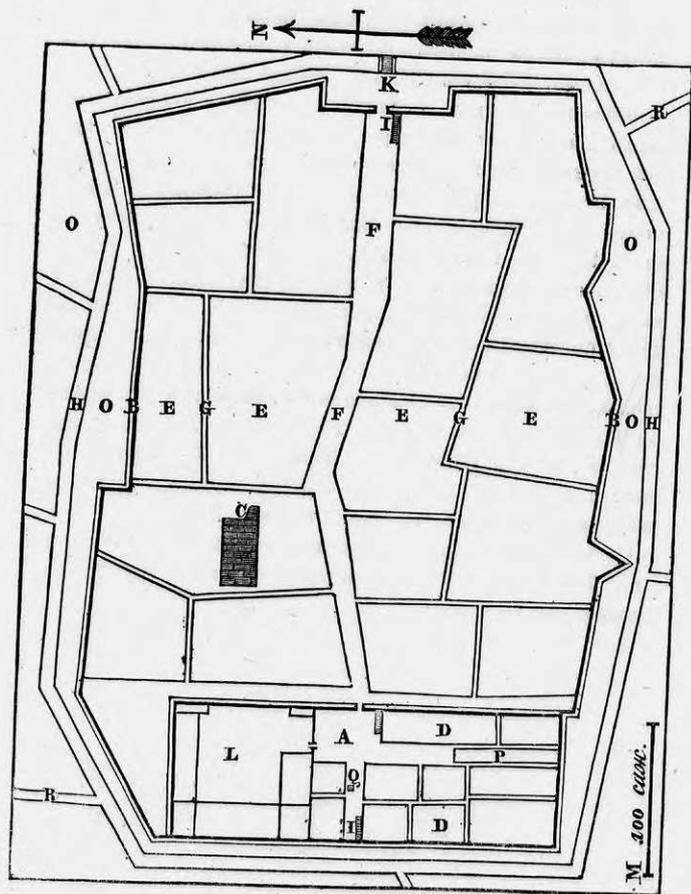
находившіеся въ Хивѣ, были пощажены: шахъ возвратилъ имъ свободу, далъ каждому изъ нихъ по лошади и денегъ по пятидесяти рублей, и отослалъ въ Россію. Это обстоятельство служитъ подтверженіемъ искренности Надира въ обѣщаніяхъ, данныхъ Муравину.

Бывшіе при Абуль-Хайръ-Ханѣ русскіе офицеры оказали услугу географіи снятіемъ первыхъ топографическихъ картъ киргизской степи и перваго плана города Хивы. Къ сожалѣнію, доселѣ не были изданы ни описаніе страны, сдѣланное этими офицерами, ни планъ Хивы, единственный доселѣ извѣстный и имѣющій притомъ то достоинство, что изображаетъ Хиву за столѣтъ назадъ, до разоренія ея шахомъ Надиромъ. Этотъ планъ снятъ инженеромъ Назимовымъ. Имѣвъ случай приобрести съ него снимокъ, мы сочли долгомъ издать его съ находящимися на немъ объясненіями. Мы такъ мало знаемъ о Хивѣ, что и этотъ планъ можетъ быть не бесполезенъ для соображеній географа. Послѣ капитана, теперь генералъ-лейтенанта, Н. Н. Муравьева, сколько извѣстно, только два образованныхъ Европейца посѣтили этотъ городъ: г. поручикъ Антовъ и англійскій агентъ Шекспиръ, бывшіе въ Хивѣ во время похода генерала Перовскаго. Будемъ надѣяться, что они обогатятъ науку новыми извѣстіями о Хивѣ.

Вотъ планъ Хивы, снятый инженеромъ Назимовымъ въ 1740 году, съ объясненіями, какія находятся на подлинномъ планѣ:

П Л А Н Ъ Х И В Ы

ВЪ 1740 ГОДУ.

- А. «Въ хивинской крѣпости замокъ.
 В. Стѣна городова, сдѣлана изъ глины. (NB. Стѣна эта вышиною не менѣе пяти сажень, а шириною въ двѣ сажени; зубцы — въ два аршина ширины).
 С. Профиль стѣны городской.
 D. Въ замкѣ строеніе.
 E. Строеніе обывательское въ городѣ, мазанковое.
 F. Улица большая.
 G. Переулки узкіе.
 H. Каналь около города, который пропущенъ изъ Аму-Дарьи рѣки, и съ маленькими канальцы.
 I. Лѣстницы на городовыя стѣны.
 K. Мостъ черезъ каналъ.
 L. Домъ ханскій въ замкѣ.
 M. Масштабъ крѣпости.
 N. (Сѣверъ).
 O. Сады около города.
 P. Заводы, гдѣ хлѣбъ мелютъ.
 Q. Колодезь въ замкѣ.
 R. Канальцы маленькіе, пропущенные изъ Аму-Дарьи рѣки въ большой каналъ.

П. Савельевъ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Изданъ 30 июля 1873 года.

Годъ IV.

ПОДПИСКА НА „НИВУ“ ВЪ 1873 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1873 году №№ «Нивы».

Годовой экземпляръ „НИВЫ“ состоитъ изъ 52 №№ (880 страницъ) съ 250—300 рисунками и ежемѣсячнымъ прибавленіемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:		НА ПОЛГОДА:	
I. Въ С.-Петербургѣ:	безъ доставки на домъ 4 р. — к.	I. Въ С.-Петербургѣ:	безъ доставки на домъ 2 р. — к.
„	съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 „ — „	„	съ доставкой на домъ по городской почтѣ 2 „ 50 „
II. Въ Москвѣ:	безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ или О. Мекленбургъ 4 „ 50 „	II. Въ Москвѣ:	безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, и А. Лангъ 2 „ 50 „
„	съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію 5 „ 50 „	III. Въ губерніяхъ:	съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію 3 „ — „
III. Въ губерніяхъ:	съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 р. 50 к.		

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Голосъ хивинскихъ плѣнныхъ

Еще пройдетъ немного времени—и мы узнаемъ въ подробности о всемъ, что встрѣтили русскіе отряды на пути въ Хиву любопытнаго, занимательнаго и притомъ совершенно отличнаго отъ нашей обыденной жизни; получатся обстоятельныя и точныя извѣстія о чрезвычайныхъ затрудненіяхъ при переходѣ зыбучихъ безводныхъ песковъ, о встрѣчахъ съ хивинскими и туркменскими войсками, о самой Хивѣ, о ея народонаселеніи и о тамошнемъ образѣ жизни. Литература, статистика, исторія, географія—обогатятся новыми, неизвѣстными еще свѣдѣніями о средней Азіи; а для администраціи представится новое обширное поле дѣятельности къ общенію непріязненныхъ пока разнородныхъ, покоренныхъ русскимъ оружіемъ, азіатскихъ племенъ съ подданными Россіи. Отдаленность Хивы отъ Россіи, а болѣе всего безжизненность степей, отсутствіе цивилизаціи, своеобразныя нравы и обычаи кочующихъ магометанскаго вѣроисповѣданія обитателей степей, отсутствіе рѣкъ и дорогъ,—все это до сихъ поръ препятствовало не только съ научными цѣлями пускаться по песчаному морю въ Хиву, но и замедляло всегда торговое движеніе въ Среднюю Азію. Теперь мало по малу всѣ эти преграды дол-

жны устраниться; постепенно будетъ водворяться колонизація и промышленность, проведутся каналы, прокоются на проложенныхъ путяхъ въ достаточномъ количествѣ искусственно и удобно примѣненные къ употребленію воды колодцы,—и степные народы, теперь уклончивые и недовѣрчивые, увидя въ русскихъ мирное обращеніе и доброту сердечную, нечувствительно будутъ съ ними сходиться въ случаѣ колонизаціи, свыкаться и обобщаться въ равной трудной долѣ посреди степей, въ жизни и въ торговыхъ сношеніяхъ; а затѣмъ легко будутъ прививаться къ ихъ непріязненнымъ сердцамъ наши нравы, понятія и убѣжденія—и водворится правильный сельскій образъ жизни и промышленность по мѣрѣ производительности почвы и по качеству климата.

Принимая все это въ соображеніе, мы думаемъ, что каждая замѣтка о Хивѣ и степяхъ, отдѣляющихъ ее отъ Россіи, — подъ вліяніемъ впечатлѣній, произведенныхъ покореніемъ нѣсколькихъ городовъ, заслуживаетъ всеобщей извѣстности, особенно въ настоящее время, когда, по недостатку описаній этого края, почерпаются свѣдѣнія изъ иностранныхъ источниковъ. Нѣсколько показаній возвращенныхъ въ 1840 году русскихъ плѣнныхъ,

захваченных во время рыболовства на Каспійском морѣ туркменами и киргизами и проданных въ Хиву, въ нѣкоторой степени могутъ пополнить этотъ недостатокъ. Изъ показаній этихъ можно видѣть, насколько жизнь для русскихъ, которые бы желали туда переселиться, удобна и чѣмъ изобилуетъ сравнительно съ Россією тамошняя природа; а для торговцевъ объясняется, какіе могутъ покупать товары и по какой цѣнѣ. Для поддержанія сношеній съ Хивою такія свѣдѣнія на первыхъ порахъ для русскихъ надобно считать болѣе необходимыми, нежели политическія извѣстія Вамбери, который, путешествуя въ Хиву подъ видомъ пилигрима и опасаясь быть узаннымъ, не могъ усвоить себѣ основательнаго на всѣ предметы взгляда.

Плѣнникъ—астраханскій мѣщанинъ—Бирюковъ рассказывалъ намъ, что онъ взятъ въ плѣнъ киргизами и претерпѣлъ множество приключеній. „Киргизы продали меня, говорилъ онъ,—въ Хиву; здѣсь употребляли меня въ черную работу, а потомъ женился я на хивинкѣ и прижилъ двухъ дѣтей. Проживши нѣсколько лѣтъ въ Хивѣ, я проданъ былъ въ Бухару; но быть въ плѣну, въ какомъ бы городѣ ни находиться, вездѣ худо,—и потому я просилъ своего агу (господина), чтобы меня опять продали въ Хиву. Трудности въ работѣ, а главное тоска по родицѣ,—заставили меня бѣжать тайно отсюда, но хивинцы догнали и прибили за ухо гвоздемъ къ стѣнѣ. Прошло послѣ того еще два года, я опять задумалъ бѣжать—и сталъ узнавать, какимъ способомъ избѣжать погони и въ которую сторону направить путь. Для этого я сблизился съ однимъ русскимъ плѣннымъ, который 30 лѣтъ живетъ въ Хивѣ,—и онъ мнѣ сказалъ, что всего удобнѣе идти не по дорогѣ, а возлѣ нея по травѣ и только ночью по росѣ, а днемъ скрываться; тогда, если и будетъ погоня, то собаки, которыми розыскиваютъ слѣды бѣжавшаго, не могутъ открыть ихъ. Воспользовался я этимъ совѣтомъ и снова пустился въ путь, только не въ Россію, а въ противную сторону, къ Персіи, потому что путь сюда способнѣе; въ дорогу же, въ неизвѣстный мнѣ край и Богъ знаетъ на какое продолжительное время, взялъ только нѣсколько кусковъ хлѣба. Ушелъ я—и въ дорогѣ былъ въ большомъ страхѣ, безпрестанно припадалъ ухомъ къ землѣ, чтобы узнать, нѣтъ-ли опять погони, потому что за полверсты можно слышать, если ѣдетъ кто, или караванъ идетъ,—и каждый разъ, когда нужно было скрываться, то прятался за камни. Въ первый побѣгъ мой изъ Хивы меня настигли собаки; теперь же, въ другой разъ, благодаря совѣту русскаго, я остался цѣлъ, но въ дорогѣ исхудалъ, изнурился, пиши не было, питался травой. Два мѣсяца я шелъ такимъ образомъ, ночью по звѣздамъ, а днемъ по солнцу, и наконецъ дошелъ уже до персидской границы. По татарски я вчутился говорить очень хорошо, пробывши нѣсколько лѣтъ въ Хивѣ и Бухарѣ,—и меня въ разговорахъ нельзя было узнать, что я русскій. Когда я подошелъ къ границѣ персидской, то узналъ, что вправо я нахожусь въ 200 верстахъ отъ Огурчинскаго острова, на Каспійскомъ морѣ, а влѣво въ 300 верстахъ отъ индѣйскаго города. Въ ближайшемъ къ границѣ персидскомъ городѣ *Шахзаде* (шахскій сынъ) градоначальникъ, которому я объяснилъ свое происхождение и причину прибытія, изъ жалости совѣтовалъ мнѣ остаться у него и предлагалъ жениться на персіанкѣ, но я не остался; онъ далъ мнѣ въ дорогу 10 р. и нѣсколько хлѣба. Не могу припомнить и объяснить всѣхъ происшествій и страданій, которыя испыталъ въ своей жизни и во время пребыванія въ плѣну и въ дорогѣ при встрѣчахъ, будучи томимъ постоянно и голодомъ, и жаждой, и наготой: судьба привела меня быть и нищимъ, и воромъ, и убійцей, и все это невольно, для спасенія собственной жизни,—и самому подвергаться страху смерти отъ разбойниковъ и воровъ. Вотъ примѣръ: встрѣтишься съ пастухами, надѣнешся получить

отъ нихъ какую-либо милостыню, а они приставляютъ ножъ къ груди и требуютъ съ меня послѣдній халатъ и деньги,—и это было неоднократно; испыталъ и милосердіе: однажды попался въ одномъ персидскомъ городѣ мнѣ казакъ русскій, и я, объяснивъ ему свою нужду, прссиль его совѣта, что мнѣ дѣлать. Онъ научилъ меня идти къ мечети и сѣсть при входѣ въ нее у дверей и ожидать милостыни. Я подошелъ и увидѣлъ, что входящіе въ мечеть персіане снимаютъ свои башмаки, оставляютъ ихъ на палерти и отправляются по обыкновенію въ молельню въ однихъ чулкахъ, изъ уваженія къ священному мѣсту. Посидѣвъ нѣсколько минутъ на крыльцѣ и, смотря на оставленные въ огромномъ количествѣ богомольцами туфли, я уже началъ соблазняться и думалъ подобрать ихъ побольше и продать—въ такомъ я былъ жалкомъ положеніи; однако опомнился: вошелъ и я за богомольцами въ мечеть, сѣлъ на разостланныхъ по полу коврахъ въ рядъ съ персіанцами, поджавши по обычаю ихъ ноги подъ себя, и вмѣстѣ съ ними сталъ молиться, читая про себя русскія молитвы, а иногда и вслухъ на арабскомъ языкѣ нѣкоторыя изъ Корана общеупотребительныя выраженія, когда требовался единогласный отвѣтъ отъ народа на призывъ муллы. Для него въ мечети, вмѣсто нашего престола съ алтаремъ, служитъ мунбаръ, или кафедра, устроенная на востокъ, къ сторонѣ Мекки. Помолвишись внутренно по русски, а наружно по магометански, я опять вышелъ въ переднюю и, сидя, ожидалъ конца службы. Когда окончилось молебствіе и персіане стали выходить, то одни проходили, не обращая на меня вниманія, другіе устремляли косые пытливые взоры, а иные останавливались и спрашивали меня, откуда я и куда иду, принявъ меня за пилигрима; однако мулла, шедшій позади ихъ, замѣтилъ: «правовѣрные, не испытывайте странника, не утомляйте его распросами; вы видите, что онъ голодный, хочетъ ѣсть». Доброе слово муллы было не безплодно: мнѣ велѣно было подождать—и чрезъ полчаса мнѣ нанесли чурекъ (изъ пшеничной муки приготовленный на подобіе блиновъ лепешки), денегъ и суму, которую я нанюхалъ подаваемъ. На вопросы, откуда я, отвѣчалъ, что я казанскій татаринъ, спасся бѣгствомъ изъ плѣна хивинскаго и иду въ Мекку; имѣя намѣреніе пробраться въ столицу Персіи, Тегеранъ, я называлъ себя меккскимъ богомольцемъ для того, чтобы тѣмъ угодить магометанамъ, кромѣ которыхъ никого не встрѣчалъ. Хотя путь этотъ былъ и легче для меня, нежели по степямъ отъ Хивы до Персіи, но и здѣсь я долженъ былъ испытать не мало бѣдствій; нищета и крайность въ продовольствіи доводили меня до того, что я долженъ былъ не разъ рѣшаться на такія дѣла, за которыя подвергалъ себя большимъ несчастіямъ,—и оправдывать могу себя развѣ только тѣмъ, что я въ поступкахъ своихъ согласовалъ съ обычаями подобныхъ мнѣ несчастныхъ бѣдныхъ путниковъ—и какъ на меня часто нападали и отнимали что имѣлъ, такъ и мнѣ приводилось вымещать свои бѣды на другихъ. Разъ случилось, что въ дорогѣ сошелся я съ меккскими богомольцами и рассказалъ имъ, что и я иду туда же; они пригласили меня идти вмѣстѣ съ ними, и видя мою бѣдность подѣлились со мной деньгами, дали мнѣ одежду и на голову чалму *). Но такъ какъ у меня была въ дорогѣ другая цѣль и я сообщилъ съ ними для того только, чтобы они меня не обидѣли, то безъ церемоній рѣшился самовольно воспользоваться ихъ довѣріемъ ко мнѣ: на одномъ ночлегѣ, послѣ нѣсколькихъ дней путешествія, я, улучивъ удобную минуту, когда всѣ спали, отрѣзалъ у казначея этой партіи съ деньгами карманъ, и съ этимъ запасомъ дорожнымъ поспѣшилъ отъ нихъ уйти впередъ, а укрывшись отъ преслѣдованія ихъ въ удобномъ потаенномъ мѣстѣ, выждалъ, пока они прой-

*) Головной уборъ странниковъ-богомольцевъ.

дуть, и благополучно пошелъ своей дорогой одинъ. Но за то послѣ и самъ былъ ограбленъ два раза. При другомъ разѣ я не стерпѣлъ: когда старикъ, насильственно вырвавшій у меня изъ рукъ мѣшокъ съѣстныхъ запасовъ, сталъ утолять въ глазахъ моихъ голодъ моими чуреками, я подумалъ: „Господи Боже мой! кому я дозволилъ себя ограбить!“ тутъ и поднялъ съ земли большой камень и придавилъ его. Послѣ, когда уже я былъ возвращенъ изъ Тегерана, при содѣйствіи нашего послапника, въ Россію, я во всѣхъ своихъ грѣхахъ покаялся на исповѣди у священника.

Въ Тегеранѣ въ военной службѣ есть и русскіе, и одинъ изъ конныхъ гвардейцевъ, генералъ, называющій себя Самсономъ. Онъ очень богатъ. Вѣры христіанской не оставляетъ, и русскіе во время пасхи у него разговляются; но когда была у персіанъ война съ русскими, то русскіе, находящіеся въ военной службѣ у шаха, въ ней не участвовали. Онъ приглашалъ меня остаться въ Персіи; русскіе въ мусульманскихъ земляхъ отличаются предъ туземцами смѣтливостью и ловкостью, но въ военныхъ дѣйствіяхъ кровь противъ сродной крови проливать себѣ не позволяютъ. Въ Персіи вездѣ подземныя для воды трубы и колодцы, гдѣ плаваютъ рыба, которую ловятъ удочками. Въ Персіи, какъ и въ Хивѣ, очень много разнаго рода фруктовъ, большею частію сходныхъ съ астраханскими; но въ Хивѣ для произращенія плодовъ прорыты на нѣсколько сотъ верстъ каналы, иначе не родятся“.

Хивинскій плѣнникъ Бирюковъ, испытавшій столько бѣдствій, живя въ Хивѣ 15 лѣтъ, — довольно крѣпкаго сложенія; отъ зноя солнечнаго, которымъ столько лѣтъ его пекло въ Хивѣ на открытомъ воздухѣ, у него остался навсегда смуглый цвѣтъ лица, которымъ отличаются природныя хивинцы. По возвращеніи въ Астрахань, онъ засталъ жену свою и дѣтей здоровыми. Они считали его умершимъ. Онъ живетъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Астрахани, въ селеніи Башмаковкѣ, и занимается садоводствомъ, имѣя свой садъ. Черты его характера: честность и трудолюбіе.

Къ сожалѣнію, этотъ мужественный, ловкій и притомъ невольный путешественникъ, прошедшій болѣе двухъ тысячъ верстъ по средней Азійи и Персіи плѣшкомъ — не грамотенъ. Какую великую услугу онъ оказалъ бы географіи и статистикѣ, еслибъ все видѣнное и пройденное съ такими усиліями въ преодоленіи неимоверныхъ трудовъ, онъ могъ передать описательно! Можно быть увѣреннымъ, что и теперь не отказался бы предложить свои услуги тому, для кого потребовалось бы сдѣлать, по его рассказамъ, нѣкоторыя дополненія на картахъ средней Азійи и воспользоваться замѣчаніями и объясненіями. Никто, ни изъ русскихъ, ни прочихъ европейцевъ, — можно утвердительно сказать, никто не обладаетъ такимъ опытнымъ взглядомъ на среднюю Азійю, какъ онъ; невольно, непостижимо, онъ первый, если поглубже вникнуть въ значеніе его подвига, пронесъ въ сердцѣ чувство христіанское по недоступнымъ для другихъ и не проходимымъ пустыннымъ пространствамъ, среди враждебныхъ имени христіанскому разноплеменныхъ ордъ магометанства.

Со взятіемъ Хивы, первая попытка Россіи къ поддержанію сношеній съ новопріобрѣтеннымъ ханствомъ и къ водворенію торговли — могли бы гораздо сильнѣе подвинуться впередъ, еслибъ признано возможнымъ было вызвать какъ его, такъ и другихъ специалистовъ по торговой части въ столицу, откуда исходятъ всѣ благія начинанія къ возвышенію благосостоянія нашего отечества. Изъ простыхъ, но глубоко основательныхъ и вѣрныхъ съ истиною рассказовъ, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы произойти полезнѣйшія послѣдствія, разрѣшились бы самые труднѣйшіе вопросы относительно неизбѣжной со стороны Россіи цивилизаціи въ совершенно неизвѣстныхъ мѣстностяхъ, обширныхъ, ни кѣмъ непо-

сѣщаемыхъ пространствахъ, обитаемыхъ народами, которыхъ ни языка, ни обычаевъ, ни условій и образа жизни мы не знаемъ. Подобные спеціалисты, какъ этотъ плѣнникъ и даже нѣкоторые мелочные торговцы съ окраинъ Россіи, прилегающихъ къ восточнымъ предѣламъ Россіи, и испытанные въ вѣрности казанскіе татары и изъ другихъ губерній, могли бы быть въ центрѣ средней Азійи самыми благонадежными проводниками и торговли и жизни русской.

Что замѣчаніе это справедливо, то доказывается тѣмъ, что русское войско, въ четырехъ отрядахъ состоящее, никакъ не могло (при пособіи однихъ предварительныхъ рекогносцировокъ, плановъ, соображеній и картъ) обойтись безъ руководства и указаній въ достиженіи трудной цѣли, безъ туземцевъ въ степяхъ киргизскихъ; безъ нихъ наши войска могли бы въ этомъ песчаномъ морѣ, какъ въ океанѣ безъ компаса, встрѣтить громадныя препятствія. Объ ощутительной пользѣ, какую въ хивинскомъ походѣ приносили джигиты-киргизы — было неоднократно сообщено изъ отрядовъ въ газеты. Они были самымъ вѣрнымъ пособіемъ географической карты и соединили въ себѣ значеніе штурмановъ на кораблѣ въ морѣ.

Слѣдующіе два разсказа вышедшихъ изъ плѣна русскихъ въ 1840 году любопытны тѣмъ особенно, что свидѣтельствуютъ о томъ политическомъ вліяніи англичанъ на дѣла Хивы, какое они старались поддержать участіемъ своимъ въ выкупѣ русскихъ плѣнныхъ съ цѣлю воспрепятствовать движенію нашего войска.

Одинъ изъ нихъ говорилъ: „я взятъ былъ на Каспійскомъ морѣ въ плѣнъ туркменцами, близъ восточнаго берега, при нападеніи ихъ на наше рыболовное судно, нечаянно, неожиданно. Туркменцы брали въ плѣнъ съ согласія Хивинскаго хана. Меня везли на верблюдахъ до Хивы 16 дней, а иногда привизывали и къ хвосту лошади или верблюда. По прибытіи въ Хиву, я поступилъ къ одному зажиточному хивинцу въ работу и находился у него два года. Тамъ земляныя работы кажутся сначала непривычны для русскаго, но потомъ мало по малу свыкаются съ ними; сѣютъ, пашутъ, жнутъ, не такъ какъ у насъ. Послѣ нѣкотораго времени пребыванія тамъ, даютъ плѣннику возможность обзавестись самому хозяйствомъ; онъ получаетъ для земледѣлства быка, а для посѣва достаточное количество сѣмянъ. Всякій по трудамъ своимъ пріобрѣтаетъ прибыль, а нѣкоторые и совсѣмъ обжились, завелись семействами и живутъ съ большимъ довольствомъ, особенно изъ казанскихъ татаръ.“

Большая радость была для насъ плѣнныхъ, когда пріѣхалъ въ Хиву англичанинъ изъ Индіи выкупать насъ. Онъ смѣло и днемъ и ночью, въ халатѣ персидскомъ, съ двумя индѣйцами, съ чалмой на головѣ, разбѣжалъ по городу и требовалъ выдачи плѣнныхъ. Повидимому добрый и щедрый человекъ. Онъ сперва ѣздилъ къ хану, въ этомъ же одѣяніи; получивъ его согласіе на выкупъ, онъ отдавалъ ему въ слиткахъ золото, сколько приходилось за cadaго, и насъ надѣлилъ cadaго на дорогу съѣстными припасами, на cadaго человекъ по золотому и для каждыхъ двухъ человекъ назначилъ по верблуду. Когда выходили изъ Хивы, то самъ ханъ осматривалъ и провожалъ насъ, со свитой изъ нѣсколькихъ человекъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, трубачи ему трубили, а солдаты сдѣлали пять выстрѣловъ изъ ружей; хивинцы, провожая насъ, урекали хана, за чѣмъ онъ затѣялъ съ русскими ссору, — и старшій братъ его присовѣтовалъ ему насъ возвращать.

Когда я взятъ былъ въ плѣнъ, то привезли меня въ Хиву въ 16 дней — можетъ быть я прибылъ бы и скорѣе, еслибъ въ пути вожатые мои не дѣлали лишнихъ иногда поворотовъ въ разные стороны для того, чтобъ не могъ я примѣтить дороги и чтобъ узнавши

я не могъ убѣжать. Изъ Хивы-же достигли мы сначала до Усть-Урта въ 6 дней, а оттуда до Новоалександровскаго укрѣпленія въ 8 дней; воду въ колодцахъ вездѣ находили и брали запасъ съ собой. Нѣкоторые только, можетъ быть, лишившіеся въ Россіи родныхъ и привыкшіе къ Хивѣ, не пошли изъ плѣна и особенно тѣ которые обусурманились; а это случилось потому, что ни церкви, ни священника у насъ не было,—а русскіе находились тамъ и по 20 и по 30 лѣтъ, не исполняя никакихъ обрядовъ, ни исповѣди, ни причастія, ни вѣчанія, ни крещенія. Нужда заставила омагометаниться и привыкнуть къ мечети и муллѣ. Правда, у нѣкоторыхъ изъ русскихъ были наши церковныя книги, и кто зналъ грамотѣ—читалъ; къ одному русскому собирались и молились. Ханъ не запрещалъ, а только совѣтовалъ принять ихъ вѣру; другіе-же женились и прижили дѣтей отъ хивинцевъ*.

Согласно съ этимъ объясненіемъ и другой плѣнникъ рассказывалъ:

«Въ Хивѣ кромѣ земледѣлія занимаются садоводствомъ. Фруктовъ очень много родится: виноградъ, дыни, поддульки, шаптала, дыни; для поливы устроены вездѣ чигири безъ чего ни хлѣбъ, ни плоды не родятся. Дожди бываютъ рѣдко. Хивинцы добры, съ плѣнными—кто старателенъ и вѣренъ—обходительны, и цѣнятъ трудъ и услугу хорошо. Понимаютъ человѣка, какой бы вѣры ни былъ, не обижаютъ. Туркменцы хуже: когда меня взяли въ плѣнъ, и увидали на шеѣ крестъ, то сорвали и бросили. Хивинцы-же не кощунствуютъ надъ нашей вѣрой когда захочешь помолиться, и образъ поставишь и затеишь свѣчу, не запрещаютъ, а если и скажутъ что, я говорю: „меня не сдѣлаешь бусурманиномъ“. Плѣнныхъ берутъ не однихъ русскихъ, но и персіянъ; случалось, что хивинцы доходили до Астрабада. Однако персіяне сами другъ друга выдаютъ, и даже продаютъ, и нерѣдко по нѣскольکو человѣкъ оттуда приводятъ плѣнныхъ. Лѣтомъ хивинцы въ садахъ живутъ, а зимой въ городѣ въ домахъ, хозяйствомъ и скотомъ занимаются. Когда они бываютъ въ Россіи, въ Астрахани, то съ ними никакъ нельзя сойтись: они уклончивы, скрытны, недоступны; въ Хивѣ-же у себя дома они добродушны, и намъ житье было свободное. На праздникъ воскресенья, хозяинъ мой отпускалъ меня къ своимъ русскимъ; принесу ему подарокъ десятокъ яицъ—и освободить дня на два.

Оренбургскій губернаторъ Перовскій не дошелъ до Хивы по причинѣ сильныхъ холодовъ; тогда и хивинцевъ много померзло, къ тому же и вожатые измѣнили; надобно думать: подговорены были. Но когда нашъ русскій Царь приказалъ задержать на Руси до 600 хивинскихъ купцовъ въ Астрахани и Оренбургѣ, тогда Ханъ сталъ поговаривать объ отпускѣ насъ, плѣнныхъ, и говорилъ намъ: «Вашъ Царь желаетъ чтобъ и отпустилъ васъ; я согласенъ, отпущу». Въ это же время пріѣхалъ и англичанинъ съ золотомъ, и говорили, будто заплатилъ за насъ хану нѣсколько золота въ слиткахъ*). Онъ останавливался въ саду, въ Хивѣ пробылъ дней 20; онъ одѣтъ былъ по бусурмански, на головѣ у него была изъ полотна чалма: ему предлагали и квартиру, но онъ остался въ саду. Русскихъ собирали къ нему, и онъ только взглянулъ, но ни разговора, ни вопроса не было. Просили и персіяне, чтобъ онъ выкупилъ ихъ, хозяйка ихъ хивинцы просили за освобожденіе каждаго персіянина по 20 золотыхъ; онъ отвѣчалъ, что стоятъ и по 40, однако не далъ и не выкупилъ**).

*) Если принять во вниманіе цѣну за которую хивинцы покупали русскихъ у киргизцевъ и туркменъ по 20 золотыхъ за каждого—и приложить къ тому по одному золотому данному англичаниномъ на дорогу каждому русскому, то выкупъ 418 человѣкъ русскихъ стоилъ ему 42,218, принимаая золотой въ 5 р. или немного болѣе.

**) Теперь уже извѣстно изъ газетъ всѣмъ, что святое и великодушное дѣло дать свободу русскимъ и нѣсколькимъ тысячамъ плѣнныхъ персіянъ досталось на долю Россіи, а не Англіи.

Для дороги-же намъ на 418 человѣкъ, вышедшихъ изъ Хивы, выдалъ 418 золотыхъ,—чтобы мы закупили хлѣба и кожаныхъ сосудовъ для воды. Однако запаса хлѣба въ пути не достало; я былъ распорядителемъ—и дошедши до жемчужныхъ колодцевъ, ѣздилъ за провіантомъ въ Александровское укрѣпленіе. Дорога-до этого укрѣпленія хороша. Мы шли по прямому направленію на Мангышлакъ. Путь этотъ изобилуетъ подножнымъ кормомъ для скота. Встрѣчались и озера, но не часто: то чрезъ сутки, а иногда чрезъ двое—и это было когда стали приближаться къ крѣпости; не рѣдко попадались и камни*).

Въ дополненіе къ этимъ рассказамъ неизлишне также сообщить о замѣчательной Аму-Дарьѣ.

Теперь болѣе, нежели когда нибудь любопытно имѣть свѣдѣніе о рѣкѣ, которой достигли съ такими огромными препятствіями наши отряды; «подошедши 12 мая къ Аму-Дарьѣ—заключаетъ корреспондентъ изъ хивинскаго похода въ письмѣ своемъ о трудностяхъ пути,—сегодня были молебствіе по случаю достиженія берега Аму-Дарьи, къ которой такъ долго устремлялись наши взоры. И волны и лошади и верблюды упиваются рѣчною водою послѣ долгаго поста. Кому приходилось хоть разъ въ жизни дрожать за каплю воды, тотъ пойметъ нашу общую радость».

Вотъ что сообщилъ въ рассказахъ своихъ о путешествіи въ Хиву въ 1842 г. молодой русскій торговецъ, по дѣламъ торговли, 20-лѣтній крестьянинъ Алексѣй Абросимовъ, котораго вездѣ принимали какъ въ киргизскихъ стѣняхъ, такъ и въ Хивѣ, какъ роднаго, и который успѣлъ заинтересовать знаніемъ татарскаго языка, нравовъ и обычаевъ туркменскихъ, киргизскихъ и хивинскихъ не только простыхъ подданныхъ, но и самого хана, имѣвши случай быть у него три раза, разговаривать и даже быть на пиру данномъ ханомъ, по случаю дня рожденія одной изъ женъ его.

Алексѣй Абросимовъ объ Аму-Дарьѣ говоритъ: «я ѣздилъ въ Хиву два раза на верблюдахъ, въ первый разъ съ двумя армянами, Бендерцовымъ и Красильниковымъ, а во второй разъ одинъ съ небольшимъ караваномъ верблюдовъ съ киргизцами,—и торговалъ въ оба раза съ большимъ успѣхомъ—ходили и ѣздили также по рѣкѣ Аму-Дарьѣ. Рѣка эта вытекаетъ изъ горъ, и течетъ съ востока на западъ, вода чистая, не уступаетъ уральской, на вкусъ мягкая, иногда и мутная, по это происходитъ отъ сильнаго теченія, отъ чего роетъ землю въ берегахъ; въ такомъ случаѣ для питья въ чаю нужно ее отстаивать. Рѣка была бы глубже и шире, но изъ нея прорыто множество канавъ, которыхъ на одной верстѣ бываетъ отъ 5 до 10; воду проускаютъ изъ нея въ удобныхъ мѣстахъ для поливы багчей (поля засѣяныя овощами и хлѣбомъ), земля получаетъ плодородіе и производитъ, при помощи рѣки, арбузы, дыни, хлопчатую бумагу, сорочинское пшено, пшеницу, дыни, кишмишъ и прочіе фрукты. По берегу рѣки растетъ камышъ и тутникъ; ширина рѣки отъ 50—100 сажень, а глубина не болѣе какъ въ ростъ человѣка, мѣстами и глубже. Я проѣзжалъ по рѣкѣ на сто верстъ, но далѣе она течетъ какъ сказывали мнѣ еще на 400 верстъ. Отъ Мангышлака ходу до рѣки Аму-Дарьи 8 дней; до Хивы отъ нея 100 верстъ; влѣво—Аральское море. Во многихъ мѣстахъ черезъ рѣку ходятъ перевозки или *каюки*, которыя дѣлаются изъ прутьевъ, толщиной не болѣе какъ въ два пальца и аршинъ длины, скрѣпляютъ ихъ костьюными гвоздями; каюки передвигаются отъ берега къ берегу на канатахъ, и по обѣимъ сторонамъ—вибитки для жительства перевозчиковъ. Каюки имѣютъ форму плоскостонныхъ дощаниковъ; на каждомъ по 4 человѣка перевозчиковъ. Такихъ перевозовъ нѣсколько—и надъ всѣми ими главный старшина, — занимающійся сборомъ пошлины съ товаровъ, которая берется съ перевозимыхъ това-

ровъ принадлежащихъ хивинцамъ, киргизамъ а иногда и русскимъ—и не менѣе какъ 10-я часть стоимости; съ лошади и верблюда по 60 к. а съ человѣка по 4 коп. Деньги-же — цѣлковый рубль ходитъ 4 р. ассиг., золотой всякой величины 15 р. ассиг.; хивинскія-же деньги мѣдныя въ 2, 5 и 10 коп., а серебряныя въ

щу предпочитаютъ рыбной, то рыба не имѣетъ у нихъ цѣны и значенія—за исключеніемъ жереховъ, которую рѣжутъ въ куски, вялятъ на солнцѣ и употребляютъ въ пищу, безъ соли. Кумысъ какъ питательный, здоровый и на вкусъ даже пріятный напитокъ, когда къ нему привыкнешь, имѣющій свойство возбуждать и

Туркмены, представляющіе военные трофеи хивинскому хану. Рис. Верещагинъ, грав. О. Ротъ.

20, 40 и 80 к. ассиг. Судовъ по рѣкѣ не ходитъ. Рыба въ ней: бѣлуга, осетеръ, севрюга, а мелкая—сазань, лини, жерехъ, вобла, леци; судака нѣтъ. Для ловли употребляются сажень въ 5 сѣти изъ шерсти сдѣланныя; неводовъ и другихъ орудій, употребляемыхъ въ нашихъ рѣкахъ, не имѣютъ. Уловленную рыбу не солить и не заготовляютъ въ провъ—и какъ мясную пи-

подкрѣплять силы, замѣняетъ для нихъ всѣ употребляемая у насъ въ Россіи вина и напитки. Жареная баранина на шишлыкѣ или кебабъ и къ нему кумысъ—составляютъ главнѣйшую необходимость въ жизни хивинцевъ, преимущественно предъ всѣми другими потребностями».

Сообразивъ всѣ неизчислимыя преграды, встрѣчен-

ныя русскими на пути до рѣки Аму-Дарьи, отъ недостатка воды, добываемой въ колодцахъ,—бѣдность хивинцевъ съ бѣдностью природы,—и взглянувъ на эту рѣку, которая, какъ кормилица питающая младенца, составляетъ (при помощи другихъ небольшихъ рѣчекъ) главнѣйшую надежду хивинскаго ханства, снабжаетъ и кормить почти все народонаселеніе овощами, фруктами, хлѣбомъ и рыбой, питаетъ и поитъ скотъ и доставляетъ даже нѣкоторую по роду обычаевъ и занятій въ торговлѣ и промышленности роскошь,—невольно приходитъ на мысль: скоро-ли и можно-ли ожидать вознагражденія за траты и лишенія понесенныя русскими въ этомъ походѣ,—окупятся-ли издержки употребленныя на занятіе нѣсколькихъ хивинскихъ городовъ, не справедливо-ли гласили англійскія газеты о ничтож-

ности выгодъ для Россіи отъ занятія этой территоріи? Отвѣта на всѣ эти пререканія должно ожидать въ будущемъ. Его почти еще за два вѣка предвидѣлъ Петръ I, создавшій въ гениальномъ умѣ планъ будущаго самостоятельна значенія Россіи въ средней Азіи для благоденствія и крѣпости нашего отечества.

По крайней мѣрѣ, въ будущемъ становятся уже невозможными явленія, подобныя изображенному на прилагаемомъ рисункѣ Верещагина. Это туркмены, возвратившіеся съ набѣга и представляющіе хану головы застигнутаго врасплохъ и перерѣзаннаго пикета или пограничнаго отряда, — явленіе весьма не рѣдкое въ недавно минувшіе дни.

Н. Михайловъ.

Богъ въ помощь!

Романъ Вернера.

(Продолженіе).

Но этотъ послѣдній уже не нуждался въ помощи; онъ самъ вылезъ изъ экипажа и подошелъ къ нимъ. Артуръ Берковъ и при этой катастрофѣ остался вѣренъ своей пассивной, апатичной природѣ. Когда бѣда такъ внезапно нагрянула—и молодая жена намѣревалась выскочить изъ кареты, онъ только удержалъ ее за руку и тихо проговорилъ: «Сиди, Евгенія! ты погибла, если рискнешь на прыжокъ!» Затѣмъ они уже не обмѣнялись ни однимъ словомъ, ни однимъ звукомъ; но между тѣмъ какъ Евгенія, стоя, поглядывала изъ окна не подоспѣтъ ли помощь и рѣшилась въ послѣднюю минуту отважиться на все,—Артуръ оставался неподвижно на своемъ мѣстѣ; только у самаго моста онъ на мигъ закрылъ глаза рукою—и вѣроятно былъ бы раздробленъ вмѣстѣ съ экипажемъ, не подоспѣвъ помощь какъ разъ во время.

Въ настоящее время онъ стоялъ у моста, пожалуй нѣсколько бѣднѣе обыкновеннаго, но безъ тремета, безъ малѣйшаго волненія; точно ли онъ не почувствовалъ страха или подавилъ его,—Ульрихъ не могъ опредѣлить, но долженъ былъ сознаться, что въ этой безстрастности есть нѣчто по крайней мѣрѣ необыкновенное. Молодой наследникъ только-что заглянулъ въ глаза смерти, а теперь смотрѣлъ на Ульриха съ такимъ видомъ, какъ будто энергическій спаситель изъ бѣды казался ему непонятнымъ чудомъ-идомъ.

Лишняя уже теперь помощь стала притекать со всѣхъ сторонъ. По крайней мѣрѣ двадцать рукъ потянулись поднимать лошадей и приводить въ себя ошеломленнаго страхомъ кучера. Весь кружокъ должностныхъ лицъ столпился теперь около молодыхъ, заявляя имъ свое сожалѣніе и участіе. Отовсюду слышались вопросы, не понимали-какимъ образомъ могло случиться несчастіе, принесли-вали всю бѣду въ выстрѣамъ, то кучеру, то лошадямъ. Артуръ на нѣсколько минутъ отдалъ себя въ пассивное распоряженіе должностныхъ лицъ, потомъ движеніемъ руки отклонилъ ихъ услуги.

— Не трудитесь, господа, прошу васъ! Вы видите, что мы оба невредимы. Позвольте намъ прежде всего добраться домой.

Онъ хотѣлъ подать руку своей женѣ и вести ее къ дому; но Евгенія не трогалась съ мѣста и озиралась по сторонамъ.

— А нашъ спаситель? надѣюсь и съ нимъ ничего не случилось?

— Ахъ да! про него-то мы было и забыли! сказалъ директоръ въ нѣкоторомъ смущеніи,—это Гартманъ удержалъ лошадей! Гдѣ въ, Гартманъ?

Окликнутый не отвѣчалъ, но Вильбергъ, забывшій всю свою досаду во время этого романтическаго подвига, съ жаромъ воскликнулъ: «Вопъ онъ стоитъ!» и поспѣшилъ къ молодому рудокопу, который по приходѣ господъ служащихъ отошелъ въ сторону и теперь стоялъ прислонясь къ дереву.

— Гартманъ, вы должны быть... Боже, что это съ вами? Вы бѣднѣе смерти... и... откуда эта кровь?

Ульрихъ явно боролся съ припадкомъ обморока, но всѣ черты лица его гнѣвно вспыхнули, когда молодой служащій хотѣлъ поддержать его. Разсердясь на то, что его могли заподозрить въ такой слабости, онъ быстро выпрямился и крѣпко прижалъ руку къ окровавленному лбу.

— Это ничего! просто царапина! Будь у меня платокъ...

Вильбергъ хотѣлъ дать ему свой, какъ вдругъ возлѣ него пропумѣло шоловое платье. Молодая жена Беркова, не говоря ни слова, подала ему собственный, обшитый дорогими кружевами платокъ.

Баронессъ Виндегъ весьма вѣроятно впервые приходилось оказывать помощь равену — иначе она поняла бы, что этотъ воздушный, кружевный, батистовый платокъ отнюдь не могъ унять крови, которая теперь такъ и хлынула сквозь густые бѣлокурные

волосы, задержавшіе ее въ первое время. Но Ульрихъ, знавшій это лучше всякаго, тѣмъ не менѣе какъ бы невольно схватилъ предлагаемое.

— Благодаримъ покорно, милостивая досударыня, только это немногимъ поможетъ, сказалъ шахтмейстеръ, уже стоявшій подлѣ сына, положивъ ему руку на плечо;—постой, Ульрихъ! съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана собственный платокъ грубаго полотна и прижалъ его къ довольно глубокой ранѣ.

— Развѣ это опасно? вяло проговорилъ Артуръ Берковъ, подошедшій въ сопровожденіи прочихъ господъ.

Однимъ движеніемъ Ульрихъ высвободился изъ рукъ отца и выпрямился во весь ростъ. Взглядъ его голубыхъ глазъ былъ мрачнѣе тѣмъ когда либо, въ то время, какъ онъ рѣзко отвѣтилъ: «Нисколько! нечего беспокоиться, я самъ справлюсь».

Слова эти звучали довольно неочтительно; но только-что оказанная услуга была слишкомъ велика для того, чтобы оскорбиться ими. Впрочемъ, господинъ Берковъ повидимому даже обрадовался, что отвѣтъ этотъ избавлялъ его отъ необходимости принимать участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ всего этого дѣла.

— Я пришлю вамъ доктора, проговорилъ онъ своимъ вялымъ, равнодушнымъ тономъ,—а благодарность за нами еще. На первое время пока достаточно и этой помощи... Евгенія, смѣю ли просить?

Молодая женщина оперлась на подавную ей руку, но уходя, еще разъ оглянулась какъ бы для удостовѣренія себя въ томъ, что необходимая помощь дѣйствительно подана. Казалося, что она не одобряетъ образа дѣйствій своего мужа.

— Весь приемъ пошелъ прахомъ! сказалъ Вильбергъ, примкнувъ къ кружку должностныхъ лицъ.

— Со всѣмъ и со стихами вашими! подшучивалъ оберъ-инженеръ,—кому теперь пойдутъ въ голову стихи, да цвѣты? Людямъ, вѣрящимъ въ предназначеніе, приемъ этотъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Смертный страхъ, рана, кровь—вирочемъ все это въ вашемъ вкусѣ, Вильбергъ. Можете написать балладу, только на этотъ разъ героемъ ея будетъ Гартманъ».

— А все-таки онъ чистѣйшій медвѣдь! воскликнулъ раздосадованный Вильбергъ,—неужели онъ не могъ поблагодарить госпожу за платокъ? и какъ грубо его отвѣтъ г. Беркову! Но что за гигантская натура у этого человѣка! Я его спрашиваю, зачѣмъ онъ раньше не перевязалъ своей раны, а онъ коротко отвѣчаетъ, что не замѣтилъ ея. Просту покорно! Получаетъ этакій здоровенный ударъ въ голову, который бы у всякаго вышибъ память, — и затѣмъ укрощаетъ лошадей, несетъ на рукахъ госпожу и до тѣхъ поръ не чувствуетъ раны, пока не хлынула кровь. Выдержи кто другой!

Рудокопы между тѣмъ столпились вокругъ своего товарища. Обхожденіе молодого наследника повидимому глубоко ихъ оскорбило. Тамъ и сямъ видѣлись мрачные взгляды, слышались ѣдки замѣчанія, даже шахтмейстеръ нахмурился и на этотъ разъ не сказалъ ни слова въ защиту молодого господина. Лицо молодой дѣвушки выражало сильнѣйшее безпокойство, которое не ускользнуло бы даже отъ Ульриха, еслибъ глаза его не были обращены совсѣмъ въ противоположную сторону. Долго и мрачно глядѣлъ онъ вслѣдъ уходящимъ господамъ, очевидно забывая боль отъ раны.

Намѣреваясь надлежащимъ образомъ сдѣлать перевязку, шахтмейстеръ замѣтилъ, что сынъ его все еще держитъ въ рукѣ кружевный платокъ.

— Какже, и голосъ старика отзывался необычной горечью,—кружева-то какъ разъ бы тутъ пригодились! Отдай это Мартъ, Ульрихъ, она возвратитъ ихъ госпожѣ.

ГОДЪ

ПЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

3.

ПРИ

1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Миниховы кондиціи съ Русскимъ правительствомъ 1721 и 1727 годовъ.
2. Диспозиція и церемоніаль въѣзда императрицы Анны въ С. Петербургъ въ 1732 году.
3. 23 письма императрицы *Екатерины II* къ И. О. Глѣбову, съ приложеніями. 1767.
4. О говѣнн чиновниковъ въ великій постъ (1789).
5. Собственноручные замѣтки *А. П. Ермолова* объ его молодости.
6. Очеркъ жизни гр. Д. П. Бутурлина, статья гр. *М. Д. Бутурлина*.
7. Незданная басня *И. А. Крылова*: Пестрыя Овцы.
8. Изъ записной книжки *П. М. Языкова* (огр. *Е. Ф. Каняринъ*).
9. Сыскное дѣло о походѣ въ Хиву, 1697 г.
10. Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву 1839 года, *В. И. Дала*.
11. Изъ бумагъ о графѣ Сперанскомъ (сообщено *барономъ М. А. Корфомъ*.)
12. Письма *Н. М. Карамзина* къ *Е. О. Муравьевой*.
13. Отголосокъ Карамзинскаго юбилея въ Парижѣ *М. Н. Лоннинова*.
14. Новыя бумаги для біографіи герцога Бирона (сообщено *С. М. Соловьевымъ*.)
15. Шуточное письмо *Н. В. Гоголя*.
16. Замѣтка о родѣ Шепелевыхъ, г. *Дмоховскаго*.
17. Два слова о бібліотекѣ гр. Д. П. Бутурлина, *С. А. Соболевскаго*.

МОСКВА.

Въ типографіи Т. Ризъ у Мясницкихъ воротъ, д. Воейковой.

1867.

«Это вамъ сдѣлаетъ вредъ», сказала Арендтъ. — «Полноте, я самъ лучше васъ знаю медицину и что мнѣ вредно и что полезно.» «Позвольте вамъ замѣтить, графъ, прервалъ Арендтъ, что я хорошо знаю, что вы хорошей министръ, но дурной медикъ и архитекторъ. — «Меня ужасно раздосадовалъ Арендтъ—говорилъ графъ женѣ—пусть бы еще называлъ плохимъ докторомъ, а дурнымъ архитекторомъ—это просто грубость!» Канкринъ почитаетъ себя отличнымъ архитекторомъ. Онъ старъ, но поклонникъ прекраснаго пола.

СЫСНОЕ ДѢЛО 1697 ГОДА О ДОРОГѢ ВЪ ХИВУ.

Великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣвичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, холопи твои Андрюшка Нарышкинъ съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, великій государь, въ 205-мъ году, Февраля въ 14 день, въ твоей, великаго государя, грамотѣ писано къ намъ, холопямъ твоимъ, въ Тобольскъ. Указалъ ты, великій государь, которые были въ Казачьей ордѣ у Тевкихана Тобольскія дѣти боярскія Ѳедора Скибина съ товарищи допросить: сколь далеко отъ Тобольска до Казачьей орды и какимъ путемъ ходъ бываетъ и много ль дней идти будетъ сухимъ путемъ; горы каменные есть ли, и лѣтнимъ путемъ ратнымъ людямъ какимъ въ кормахъ скудости не будетъ ли, и сколь рѣкъ, и тѣ рѣки велики ль и переправы какія черезъ тѣ рѣки; отъ Тевкиханова города до Бухаріи сколько пути, и сухой ли путь или водяной, и буде сухимъ путемъ, можно ль ѣхать, и въ сколько дней поспѣть можно, также отъ Бухаріи до Яика, куда ближе въ Хиву или въ Астрахань и какимъ путемъ сухимъ или водянымъ; горы или камень въ тѣхъ мѣстахъ есть ли. Тому всему учинить чертежъ по три аршина, и на томъ чертежѣ написать все подлинно и подписать именно, и о томъ

къ тебѣ, великому государю, писать и тотъ чертежъ прислать къ Москвѣ, цезамотчавъ⁽¹⁾.

И по твоему, великаго государя, указу и по грамотѣ, Тобольскія дѣти боярскія: Ѳедоръ Скибинъ, Василій Кобяковъ; конные козаки: Александръ Алемасовъ, Матюшка Трошинъ, Потапко Михайловъ, Ѳомка Мосеевъ, Ларька Серебряковъ, толмачъ Богдашка Неустроевъ, приставъ Ѳедька Ленева, полоненникъ Алешка Щепоткинъ, Якушко Уфинецъ; колмыки новокрещенные: Климко Алексѣевъ, Ивашко Григорьевъ, Бухаретинъ Тюлюкъ-бай; Тобольскіе жъ татары: Юлюкъ Шаманаевъ, Таушко Мерчепъ, Аникъ Чичиревъ, въ Приказную Палату сысканы и допрашивавы, а въ допросѣ сказали:

Отъ Тобольска де въ Колмыки и въ Бухарію и въ Казачью орду дорога: изъ Тобольска вверхъ по Иртышу—рѣкѣ до Колмыцкаго перевоза до Шаншинскихъ юртъ тридцать верстъ, и переправяся Иртышъ на правый берегъ лугами черезъ многія грязныя рѣчки Тобольскимъ уѣздомъ, дубравами и борами чрезъ заставный Адабашскій острогъ ходу четыре дни и до перевоза чрезъ Вагай до Какашинскія волости ходу два дни до переправы; а переправяся Вагай рѣку, суземья⁽²⁾ чрезъ топкія и зыбучія и мелкія болота, минуя озеро Якишуль и вышедъ на Ишимскіе нады на рѣчку Карасунъ выше и ниже ходу четыре дни: и ѣдучи подлѣ Ишимъ до урочища бору Шанши-карагаюдесять дней, и переправяся Ишимъ рѣку идти бездорожицею по правой сторонѣ по знакамъ, переправляяся съ урочища на урочище на послѣдніе степные броды, на вершину Ишима-рѣки на Каменный бродъ, ходу дней съ десять; а ходъ де бываетъ конными и верблюды нужный, а тѣлегами тѣмъ путемъ и идти не возможно, потому что де та дорога околична и многіе по ней сгорки и объѣзды и рѣчки крутоберегія и грязныя и лѣсныя и водою глубокия и болота зыбучія и грязи топкія и безъ мостовъ де перебродить не возможно. И по той де Ишимской околичной дорогѣ

(1) Т. е. немедля.

(2) Т. е. топкая почва.

до самаго Каменнаго брода людямъ и скоту рыбою и птицею и травою кормиться можно. А съ вершины Ишима рѣки, перебрѣвши Каменный бродъ до Казачьей орды до Тевкиханова Туркестана-города, дорога лежитъ прямо на зимній полдень, подлѣ рѣчекъ для воды и для конского корму, черезъ рѣчку Терсазерь Сарысу, въ лѣвъ камень Улугау до рѣчки Чиганамана, ходу четыре дня; а съ Чиганамана степью черезъ Тарганскую вершину до Тныркуля-озера, а надъ тѣмъ озеромъ камень частохолмъ не высокъ, и многія де съ него въ Тургай рѣчку пади, а ходу де три дня; и у того де озера воровскіе воинскіе люди, воевавши по слободамъ, покидаютъ тѣлеги, арбы и кошевую посуду дальняго похода. А отъ Тныркуля-озера по камню чрезъ рѣчку Кынырю подлѣ нея до большой рѣчки Кынырбая ходу полтора дня, а Кынырбай де рѣчка течетъ съ Востока изъ подъ камня отъ Норъ-Ишимскихъ озеръ, мѣстами быстра, а индѣ тиха, а устьемъ де пала съ лѣвой стороны въ Сарысу-рѣку; а на устьи въ мысѣ Чудской кирпичный городъ Сургана развалился, а осталось де еще три палаты цѣлыхъ; да въ Кынырбай же съ лѣвую сторону отъ Торганскихъ вершинъ рѣчка Кындыръ пала устьемъ выше Буюганы, ходу на три дни. А переѣхавъ Кывырбай-рѣку камнемъ, а подлѣ рынь-пески до мечети Каменной Палаты, ходу три дни; а отъ мечети до устья наволоками до Буюганы ходу три дня; а въ наволокахъ конскій кормъ тамъ мелкій и камышь и воды желтыя, людямъ и скоту не здоровы и трава колюча, больше шипишнику, называютъ цюнга и тиканъ, и отъ той де травы бываетъ мыто и отъ солонцевъ скотъ умираетъ; а по пескамъ и по камню во всей де ордѣ растеть древо Соксоунъ, подобно сандалу, а большаго лѣса никакого нѣтъ. А отъ Бурганы перейти Сарысу рѣку въ низъ по ней наволоками, минуя кладбище и три мыса, урочище Кашаунъ до урочища Кручинъ-кушъ ходу шесть дней. И въ томъ де мѣстѣ сошелся малопреходный съ обѣихъ сторонъ камень подлѣ рѣчки Сарысу, а тѣмъ де нужнымъ ходомъ вѣдти два дни, а миновать де того мѣста

невозможно. А прохоть де промежь тѣхъ камней въ одинъ человекъ, а шерингою и телѣгами ийти невозможно. И къ тому мѣсту со всѣхъ сторонъ со степи отъ городовъ и отъ кочевья и Тобольской дороги сошлись въ одно мѣсто до Туркестана за шесть дней; и на томъ де мѣстѣ воровскіе люди ждуть каравановъ, и, сождавъ, разбиваютъ и грабятъ. И прошедъ камень и камышь до урочища Тюмень-Карагай, до пятнадцати деревъ, день ходу; отъ того послѣдняго кормовища берутъ изъ Сарысу-рѣчки воду въ запасъ на три дня, и отъ того де Туркестанская дорога раздѣлилась на двое: одна въ право, а другая въ лѣво. А Сарысъ де рѣка противъ тѣхъ пятнадцати деревъ, устедь отъ дороги, съ полднища, пала устьемъ подъ землю въ озеро Тиникуль. Да отъ пятнадцати де деревъ, по правую сторону дорога песками до камня, а къ Сумя ходу полтора дни; и отъ того де камня дорога въ Каракалпаки, а на верху того камня башня и караулъ, и по степи де видѣтъ всякихъ людей далече; а ходу де подлѣ того камня два дни; а на выходѣ де того камня казачій городъ Юзугантъ, а отъ Юзуганта ходу козацкими городами до Туркестана три дни; а отъ Туркестана до Сырта-рѣки ходу полдня, а по лѣвую сторону отъ пятнадцати жъ деревъ по Калмыцкой дорогѣ, минуя три Чойскія озера, и въ тѣ озера пала устьемъ Чойрѣка, не дошедъ до Сырысу за полднища и ушла озеромъ подъ землю. А подлѣ Чоя Калмыцкою дорогою, мимо трехъ Чойскихъ озеръ, до камня Улугау ходу день, а съ камня до Туркестана камнями ходу два дни. Всего черезъ Ишимъ рѣку вышеписанными дорогами отъ Тобольска до Тевкиханова города Туркестана среднимъ ходомъ два мѣсяца, а скорымъ ходомъ тридцать дней, а тихимъ ходомъ девять недѣль. И тѣ де обѣ дороги отъ пятнадцати деревъ нужны людямъ и скоту безкормны, а по камню и въ городѣ въ близости лѣсу никакого нѣтъ, а ѣсть де варятъ, вмѣсто дровъ, конскимъ каломъ, а привозные де дрова таль и вѣтельвикъ изъ наволоковъ отъ Сырта-рѣки продаютъ въ городахъ вьюкъ прутнику мелочи полтину. А города де Казачь-

ей орды отъ Туркестана всѣ въ близости, городъ отъ города въ виду, а и дальніе де города, подъ каменемъ; ходу до нихъ дни по три, и по степи де, а отъ Сырта-рѣки въ дальномъ разстояніи, а при рѣкахъ де въ близости не живутъ, а дѣланы де въ городахъ ихъ многіе колодцы, а городовъ де ихъ всѣхъ и считаютъ двадцать. А крѣпости де въ Туркестанѣ и въ городахъ валены, валы земляные и по валу кладены стѣны кирпича необожженаго, а вышиною и съ валомъ стѣна сажени въ полтрети, а шириною мѣстами въ сажень, а въ иныхъ мѣстахъ больше и меньше, а къ верху аршина по полутора и по два; а больше де у нихъ въ городахъ валеные одни земляные валы безъ кирпичу, а земля плотна и не сыпуча, а ровъ де копаныхъ нѣтъ. И во всѣхъ тѣхъ городѣхъ живутъ Бухарцы, а казаковъ мало, а казаки де всѣ живутъ для пашенныхъ земель по кочевьямъ, а пахоти де ихъ скудны, коней и овецъ много, а коровъ мало; кормятся мясомъ и молокомъ. А къ бою де удачливы, волшебству де ученые отъ Донскихъ бѣглецовъ, а по смѣтѣ де всѣхъ ихъ казаковъ будетъ тысячь съ двадцать и больше. А бой де у нихъ душной и копейный, а пушекъ де нѣтъ и мелкаго, длиннаго, огненнаго ружья мало, а кузнецевъ де у нихъ не сказываютъ, а огненное де ружье и порохъ и свинець и луки привозятъ изъ большой Бухаріи: а сказываютъ де, что берутъ селитру по кислымъ озерамъ и варятъ въ котлахъ, а сѣра де топится и изъ камени близко Еркенскихъ городовъ, а свинець де плавятъ изъ руды въ городѣ Карнакѣ и порохъ де чинятъ пріѣзжіе Бухарцы-полоненники; а руду де красной мѣди плавятъ на Тобольской дорогѣ. А рѣкъ де большихъ въ землѣ ихъ нѣтъ, а три де рѣки изъ подъ камени пали и тѣ среднія, а Сыртъ де рѣка течетъ изъ подъ камени, отъ городовъ ихъ не въ близости, а рыбы де въ ней мало, да и не ловятъ, а пала де устьемъ въ море Хивинское или Аральское, течетъ съ обѣдника ⁽³⁾ въ ночь, а ходу де до устья ея дней на двадцать; а полнымъ де рѣкамъ

ходу дней по пяти и по десяти, и тѣ де рѣки не широки, и перевозовъ по нимъ нѣтъ, броды въ нихъ мелкіе, а степь голая. А по всей де степи, по рѣкамъ и по рѣчкамъ, кругъ озеръ и болотницъ, большаго лѣсу нѣтъ, растутъ бѣлый и черныи мелкій таль, мѣстами и вѣтельдикъ, а инога нѣтъ; а по пескамъ и по камнямъ растутъ небольшое дерево Соксоусъ, а походитъ листемъ на жимолость, а корою на сандалъ, а уголемъ жарокъ и не гаснетъ, часто уголья дни три и больше, а въ кочевьяхъ де ѣсть варятъ конскимъ каломъ и камышемъ. А отъ Туркестана де земли въ низъ по Сырту-рѣкѣ на три дни до города Юзуганту, и въ томъ де городѣ Тевкиханъ въ прошломъ въ 203 году поступился Каракалпакомъ для сбора половиною городовъ и пашутъ пашню съ казаками живучи сообща. И отъ Юзуганту въ низъ же по Сырту по обѣ стороны кочуютъ Каракалпаки на десяти днищахъ до мечети ихъ Курчуть. А городовъ де особыхъ нѣтъ, а къ воинскому де дѣлу съ казаками одного ученья и кормятся воровствомъ, а будетъ де человекъ ихъ тысячь съ шесть и больше, а ружье де казачье, пушекъ нѣтъ же; а владѣлецъ де ихъ Тобурчакъ-султанъ. А пріѣздъ де къ нимъ изъ Тобольска тою жъ одною дорогою чрезъ камень, а вверхъ по Сырту отъ Туркестана до города Сайрану ходу три дни, а смежень съ Юркенскими городами; а въ третью де сторону на западъ къ Бухаріи за Сыртъ-рѣку кочевья до четвертаго колодца на четыре днища, а въ четвертую де сторону отъ Туркестана на востокъ по Талаші-рѣкѣ все кочевья казачія; а городовъ нѣтъ, ходу де до нихъ шесть дней, смежны съ калмыцкимъ Арапаномъ. Да отъ Туркестана жъ въ Бухарію до Сырта-рѣки конямъ ходу полдня и переправяся до колодца названіе Дертъ-Кутука, ходу три дня; а отъ Кутука чрезъ три колодца ходу степью пять дней до Ашты; а отъ колодца Ашты малозимовья до города въ Бухарію на верблюдахъ ходу шесть дней топкими и безводными степями, а воду де везутъ на верблюдахъ. А градъ де Бухарія строеніемъ и вышиною что Туркестанъ, а входу де въ него двѣнадцать

(3) Съ полудня, съ юга.

башень, а владѣлецъ де ихъ Самангульханъ; города де и уѣзды подь нимъ много, а воинскихъ людей у него тысячъ съ четыреста и слывуть де они Кокутаны, люди де руководѣльные, торговые, а не воисты; и мелкаго огнениаго оружія много, зелье де и свинець дѣлають сами, а боевыхъ пушекъ, по сажени, будетъ съ пятьдесятъ; а воздухъ и воды у нихъ не здоровы, тлетворны, вѣтры часто бываютъ. Отъ Большой Бухаріи переправяся Аму-Даря рѣку, коя подь Бухарією и подь Хивинскими жилищами до города Хивы, Хивинскими городами и кочевьями ходу пятнадцать дней, а межъ городовъ степь песчаная и водъ много, да не здоровы. А городъ Хива меньше Бухаріи, а строеніемъ такого же, а въ подданствѣ де къ Хивѣ постороннихъ городовъ много, а люди де невоисты, руководѣльны; ружье и зелье дѣлають сами, а пушекъ де у нихъ не видали, а боярь де называютъ они Аталъскими, служилыхъ людей Узбеками, крестьянъ Райатами, а родъ де ихъ Аральцы, Гурленцы, Трухменцы. Да отъ Тобольска жъ де по дорогамъ слободскихъ жителей многихъ вѣдомцевъ и бывальцевъ пристойная де дорога вешняго пути въ Казачью орду слободами въ верхъ по Тоболу рѣкѣ, чрезъ многія рѣчки Тобольскимъ уѣздомъ до Торханскаго острогу 100 верстъ, отъ Торханскаго острога до Ялуторовской слободы 30 верстъ, отъ Ялуторовской до Суерской слободы 30 верстъ, отъ Суерской до Усть-Суерской 20 верстъ, отъ Усть-Суерской до Бѣлозерской 25 верстъ, отъ Бѣлозерской до Иковской 15 верстъ, отъ Иковской до Царева Городища 20 верстъ, съ Городища до Утяцкой 20 верстъ, отъ Утяцкой до Камыцкой 40 верстъ. И отъ тѣхъ верхнихъ Тобольскихъ слободъ съ Царева Городища и изъ Утяцкой и Камыцкой черезъ степь до Ишима ходу приходною Ордынскою дорогою 5 дней и степь равная, горь нѣтъ, людямъ и скоту кормно. И переправяся Ишимъ-рѣку ходу большою лукою, прозваніемъ Улутагой, ходу до Каменнаго Брода 5 дней, и перебрѣвши по тѣмъ же вышписаннымъ урочищамъ до Туркестана ходу по дорогѣ Туркестанской, что писано выше сего.

И по тѣмъ ихъ сказкамъ велѣли мы, холопи твои, сдѣлать чертежъ на Бухарской бязи⁽⁴⁾ и рѣки урочища и дороги и города на томъ чертежѣ подписаны именномъ, и тотъ чертежъ послали къ тебѣ, великому государю, мы, холопи твои, Тобольскаго уѣзда слободскихъ бѣломѣстныхъ казаковъ съ сотникомъ съ Фодотомъ Матигоровымъ, да съ татаринномъ Стеушкомъ Мерченемъ; а приѣхавъ къ Москвѣ велѣли имъ явиться и отписку и чертежъ подать въ Сибирскомъ Приказѣ боярину князю Ивану Борисовичу Репнину съ товарищи.

(Выписано изъ Архива Министерства Юстиціи. Сообщено П. В. Калачовымъ).

ПИСЬМА КЪ ДРУЗЬЯМЪ

изъ похода въ Хиву.

Походъ въ Хиву, предпринятый въ 1839 и 1840 годахъ, по мысли и подь предводительствомъ Оренбургскаго военнаго генераль-губернатора (гр.) Василія Алексѣевича Перовскаго, для обузданія хищныхъ Хивинцевъ, безпокоившихъ тамошніе предѣлы Россіи, — почти вовсе у насъ не извѣстенъ. О немъ долго ходили темные слухи, и не упоминалось ни единымъ словомъ въ Русской, всѣмъ доступной, печати. Только въ 1860 году, въ Чтеніяхъ общ. ист. и др. при имп. Моск. унив. (кн. I, стр. 147—166), появилось, сколько мы знаемъ, первое печатное извѣстіе объ этомъ достопамятномъ походѣ, въ статьѣ подь заглавіемъ *Военное предпріятіе противу Хивы*. Статья эта очевидно составлена по бумагамъ подлиннымъ и содержитъ въ себѣ сжатое, но точное и дѣльное изложеніе всего хода дѣлъ. Цѣлью предпріятія, начатаго подь видомъ посланки ученой экспедиціи къ Аральскому морю, было «смирить хана Хивы и замѣнить его надежнымъ султаномъ Байсацкимъ, упрочить по возможности порядокъ, освободить всѣхъ плѣнныхъ, дать полную свободу торговлѣ нашей» На издержки

(4) Бязь—бумажная ткань, бумажный холстъ.